

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ-КОНКУРС

20—28 мая 2010 года
НОВО-СИБИРСКИЙ ТРАНЗИТ
ЗА 8 ДНЕЙ ОТ УРАЛА ДО ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Администрация Новосибирской области, Министерство культуры Российской Федерации
Союз театральных деятелей РФ, Мэрия города Новосибирска, Новосибирский театр «Красный факел»

Друзья, этот первый выпуск газеты готовился в то самое время, когда мы ждали начала фестиваля, ждали прибытия гостей. Это такой предвкушающий номер, здесь мы вспоминаем прошлые встречи и мечтаем о наступающих. Как заметил Олег Лоевский, фестиваль делается, чтобы похвастаться тем лучшим, что у нас есть. В следующих выпусках мы будем хвастаться нашими дорогими гостями, а в этом — хвастаемся тем, чем богат хозяин фестиваля, Новосибирск.

ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ?

Заходишь в фойе «Красного факела» — а там, словно стены раздвинулись. Суровый непроницаемый человек сидит перед зеркалом и накладывает грим. Затем облачается в костюм и превращается в Аметишова из «Зойкиной квартиры». Не замечая никого вокруг, отправляется по заранее намеченному маршруту — прямою на сцену, играть спектакль. Назавтра он сидит на том же месте, уже в образе Соленого из «Трех сестёр». Перформанс Юрия Дроздова успешно отвлекает публику от буфета. Так начинался самый первый «Сибирский транзит».

Директор театра «Красный факел», автор проекта, продюсер Александр Кулябин говорил в мае 2001 года, что многие считали его идею утопией. Но он-то точно знал, что «Сибирский транзит» будет! Привлекала перспектива именно передвижного фестиваля, о чём красноречиво свидетельствовал его символ — колесо с театральным человечком. Каждый вечер директор театра, отыгравшего спектакль накануне, выходил на сцену и катил колесо навстречу коллеге, театр которого выступал следующим. Этот простой, но эффектно работающий приём создавал настроение и воплощал суть феста — постоянное движение, как географическое, так и творческое.

За девять лет колесо прокатилось по разным городам Сибири: Иркутск, Омск, Томск, Красноярск, Улан-Удэ, Барнаул... И вернулось в Новосибирск, на родину, обрело постоянную прописку. Фестиваль стал «Новосибирским транзитом», наш город стал постоянным местом встречи, вслед за Рождественским фестивалем предоставляющим площадки для лучших спектаклей своих ближних и дальних соседей. Сибирская альтернатива «Золотой Маски» весьма актуальна, ведь большая часть номинированных на главную российскую премию спектаклей — из Москвы и Питера. Член жюри первого «Транзита» редактор «Петербургского театрального журнала» Марина Дмитриевская подчеркивала тогда, что провинция — это отсутствие контекста и неумение в него встроиться. Сегодня эксперты, занимавшиеся отбором спектаклей, отметили, что театральная жизнь провинции не менее интересна и порой неожиданна для них самих.

Оглядываясь на первый «Сибирский транзит», вспоминаешь всеобщий подъём и единение. Важно было встретиться, посмотреть друг на друга, сравнить, узнать, почерпнуть... В Новосибирск тогда съехались 450 участников из восьми городов. Залы были полные, зрители сидели на приставных стульях, ступеньках и галерке. Актеры говорили о том, что узнали, наконец, какова жизнь за порогом. Многие годами никуда не выезжали, но-стальгируя по гастрольной практике. В капутнике актёров из Кемерово прозвучал вопль души: «Играть в Кузбассе — судьба моя!!!»

Каждый вечер на сцену выходили краснофакельцы Лилия Байрашевская и Сергей Пиоро — оба теперь столичные жители. Они приветствовали гостей, предворяя спектакль, задавали тон ходу событий. На этом их миссия не кончалась, ведь после спектаклей следо-

вала неофициальная часть, где они были душой компании. «Большой шкаф громче падает!» — шутил Пиоро, намекая, что выпиты только после фестиваля.

Оглашения итогов фестиваля ждали как важнейшего вердикта. Были отмечены и опытные мастера, и те, чья карьера только начиналась. Знаменитый иркутянин Виталий Венгер был вне конкуренции. За лучшую женскую роль была награждена актриса «Красного факела» Виктория Левченко, специального приза жюри удостоилась её коллега Татьяна Классина. Первый «Сибирский транзит» открыл актёра Константина Телегина, присудив ему поощрительную премию за главную роль в барнаульской «Трехгрошовой опере». Сегодня он — ведущий актёр краснофакельской труппы, номинант «Золотой Маски», любимец публики.

Помнится, двое зрителей во время церемонии награждения демонстративно вышли из зала. Они зашли на актрису Ирину Шишляникову, сыгравшую заглавную роль в спектакле томской драмы «Дульсинья Тобосская» по Володину, и были возмущены тем, что жюри её даже не упомянуло. Зато остальные бурно аплодировали омичу Евгению Смирнову, ставшему лауреатом фестиваля за роль Палача в «Приглашении на казнь», поставленным тогдашним главрежем «Красного факела» Олегом Рыбкиным. Этот спектакль значился в фестивальной программе последним, но стал первым по уровню мастерства — по-набоковски парадоксальный и красивый, по-рыбкински холодный и неутомимый. Сегодня зрители с нетерпением ждут «Тёмные аллеи» Олега Рыбкина, теперь уже главного режиссёра Красноярского театра драмы имени Пушкина — они открывают «Ново-Сибирский транзит». А дальше — череда лучших спектаклей региона, о которых мы пока только слышали. Занавес открывается...

Яна Колесинская

«ИСТИНЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ИНСТАНЦИИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ»

Тимофей Кулябин, режиссёр спектакля «Маскарад» (Новосибирский театр «Красный факел»)

— Тимофей, чего ждете от фестиваля?

— В первую очередь интересных спектаклей. Постараюсь посмотреть, как можно больше.

Другой возможности познакомиться с таким количеством разных театров у меня просто не будет. «Транзит» тем и интересен, что представляет собой некий срез современного нестолничного театрального пространства. В отличие, скажем от той же «Золотой Маски», где, как правило, можно увидеть лишь один-два театра из провинции.

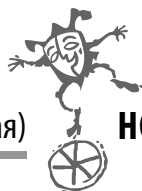
Я жду, что на этот фестиваль придет мой однокурсник Никита Гришпун, которого я не видел несколько лет. Сейчас он худрук Сахалинского Международного центра им. А. Чехова. Это вообще здорово, что на этом «Транзите» представлено много молодых режиссеров. Уверен, нам будет, чем обменяться!

— А что вы скажете от лица режиссера, чей спектакль участвует в конкурсной программе?

— Честно сказать, я не придаю особой важности тому, что мой спектакль играет в рамках какого-либо фестиваля. Мне интересна сама жизнь спектакля, нежели его фестивальный продвижение. И для меня это будет просто один из «Маскарадов», которые я стараюсь не пропускать. После спектакля я каждый раз уточняю какие-то моменты с актерами — в общем, наша работа продолжается.

— Интересно ли вам как режиссеру участвовать в «Транзите» после «Золотой Маски», на которой был показан краснофакельский «Макбет»?

— Знаете, на «Маске» я не успел ощутить собственно атмосферы фестиваля, поскольку приезжал в Москву буквально на пару дней из Ярославля, где выпускал премьер-

ру. Поэтому можно сказать, что «Маска» прошла мимо меня. А вот грядущий фест в Новосибирске — совсем другое дело...

— Но ведь, как ни крути, у вас теперь совершенно другой профессиональный статус! И на «Транзите», думается, вы не раз услышите фразу: о, смотрите, идет режиссер — номинант национальной театральной премии...

— Я не замечаю каких-либо перемен в моей жизни после «Маски». И сам на себя по-другому в зеркало не смотрю. Я не думаю, что статусность «Золотой Маски» способна как-то повлиять на меня как на режиссера. Я репетирую так же, как умею. Что же касается отношения ко мне других людей, то я стараюсь прислушиваться к мнению тех, которым доверяю — и неважно, позитивной или не очень будет их оценка моей работы.

— Ставлю вопрос ребром: ваш «Маскарад» составит конкуренцию другим спектаклям фестиваля?

— Некая конкуренция существует изначально. Но я стараюсь не придавать этому значения. Мы занимаемся такой профессией, где истины в последней инстанции просто не существует. Что есть хорошо и что есть плохо — для каждого вопросы открытые. Мы

лишь можем понять, что качественно, что некачественно, что талантливо, что неталантливо, где посредственность, а где оригинальность. В этом смысле быть членом жюри — самая адская работа. Им надо решать, кто лучше: Някрошус или Фоменко? Как ни крути, искусство — дело субъективное, а значит, в его оценке возможны тысячи компромиссов. Скажем, я люблю Баха, а кто-то Гершвина. Но разве от этого их музыка станет лучше или хуже? Объективные показатели есть только в спорте. А в спектакле можно оценить разве что общий профессиональный уровень, когда все или предельно убедительно, или нет.

— На прошлом «Транзите» в Барнауле был показан ваш спектакль «Смертельный номер». Какой опыт вы приобрели?

— Когда мы играем на чужой площадке, основная проблема — не в повышенном волнении. А в том, как освоить непривычное пространство. Выезд — это возможность проверить, все ли в твоём спектакле на месте. И может ли сбить актера тот факт, что, скажем, до кулисы стало не два метра, а три.

— Почему люди становятся критиками или актерами — вроде как понятно. А как приходят в режиссуру?

— Все по-своему. Я рос театральным ребенком, и все мое детство прошло либо в зрительном зале, либо за кулисами. Я смотрел пачками одни и те же спектакли. И вот как-то подумал: а что, если актер не будет кричать свою фразу, а скажет ее шепотом, так же интереснее будет. И пришло ощущение, что спектакль — это некий конструктор, из которого можно извлекать разные эмоции и смыслы.

— Тимофей, вы знаете способ, как стать матерым режиссером?

— В смысле — настоящим профессионалом? Надо просто очень много ставить. Вот и все. Вырасти можно только на своих ошибках, и никак иначе. Можно сколько угодно сидеть на репетициях у великих режиссеров, читать их книги, смотреть гениальные фильмы, но пока ты не попробуешь сам — ничего никогда не поймешь в профессии. Можно великолепно придумать пространство спектакля и не суметь его актеру объяснить. В общем, пока всех шишек не набьешь...

— Как вы думаете, ваши ошибки впереди — или вы сейчас какой-то свой спектакль поставили бы заново?

— Заново я бы ничего не ставил. Что сделано, то сделано. В тот момент это имело свой смысл. А без ошибок просто нельзя. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Особенно в театре. И потом — то, что тебе сегодня кажется правильным, завтра, возможно, окажется ошибкой. Театр дело очень подвижное. Я все больше убеждаюсь в том, что театр — то, что невозможно ухватить, зафиксировать во времени, пространстве, результате.

Юрий Татаренко

«МЫ НЕ УВИДИМСЯ... ПРОЩАЙ... ИДЁМ... ИДЁМ... СЮДА... СЮДА...»

Михаил Лермонтов «Маскарад», режиссёр Тимофей Кулябин (Новосибирский театр «Красный факел»)

Непонятно, каким образом с первой же минуты действия мужчина в чёрном, молча сидящий спиной к залу, спровоцировал пресловутый мороз по коже. Он только тронул маятник больших часов, рядом стоящих, да в колокольчик позвонил. Вот и получается, что истинные механизмы воздействия на нас сценического существования, как их ни исследуй, штука таинственная.

В Арбенине Игоря Белозёрова загадочности не было вовсе. Напротив, редкая определенность: зловещая властность, мрачная обречённость, глубина, безумное внутреннее напряжение, высокомерие, ум, азарт, гипнотический взгляд, интеллект, страсть, страх и жестокость одновременно, невозможность преодолеть гнев, уж не говоря о прощении кажущегося предательства.

И... невозможность чувствовать по-другому. Легче, менее сложно и не так трагически. Душа его придавлена предыдущей жизнью насовсем. И дело не в осатанелой звериной ревности. Нет тут и намёка на добраслетовое счастье. Нина — хорошенькая нарядная девочка с тросточкой, увенчанной набалдашником в виде изящной собачьей головки. Большого про неё не сказать. Уверенности в том, что юное создание хотя бы отдалённо понимает смысл речей Арбенина, — нет. Нет и убеждённости в её татьяноларинской верности. Этот Арбенин с этой Ниной не воскресал «для жизни и добра». Браслет — гиря, дошедшая до пола. И к полу он прижимается щекой, как будто к втягивающей в себя пресподней.

Пожалуй, про арбенинскую трагическую несовместимость с самим собой, а значит, с жизнью как таковой — весь спектакль, в котором кроме блестящего Белозёрова есть ещё два несомненных достоинства. Невероятное количество разнообразной музыки, от Гии Канчели до Петра Чайковского. Перетекание одного мотива в другой, без пауз, выверено тщательнейшим образом, звуковой ряд не кажется случайным, назойливым, эклектичным. И эффектная сценография Олега Головки. Двухъярусная железная конструкция, мёртвенно-потусторонний свет многочисленных лампионов, пространство с доминантой чёрного цвета, с подбегом из сизого сигарного дыма у бешено вертящихся игровых столов.

Придуманные режиссёром мизансцены не эффекта голого ради, а смысла для —

врезаются в память. Эта режиссура — пряная. Но слово это употребляю в его позитивном значении, когда ароматы муската, имбиря, кардамона создают, извините, букет. В данном случае то, зачем мы переступаем порог театра. Возникает образ.

Гнобимая яркая театральность (в одно слово!) присутствует в спектакле, безусловно. Чрезмерная увлечённость обильными танцевальными экзерсисами — повод для зрителя: «шоу, подиум, парад роскошных костюмов». Тут не могу не вспомнить афоризм Якова Княжина: «Бедность — уничтожение всех наших дарований!».

Елена Вольгуст, ПТЖ

«ЮМОР ВСЕГДА СБЛИЖАЕТ»

Павел Южаков, режиссёр спектакля «Доходное место» (Новосибирский «Первый театр»)

— Что привлекает ваше внимание в афише нынешнего «Ново-Сибирского транзита»: название какого-либо спектакля, имя режиссёра, определенный театр?

— Прежде всего, мне хотелось бы поближе узнать, что из себя представляет так называемая «новая драма». Сейчас я к ней отношусь с осторожностью. Но то, что в афише сразу два спектакля по «Экспонатам» Дурненкова, не может не привлечь внимания. Я, если честно, побаиваюсь современной драматургии и пока ещё не решил, нужно ли мне начать её ставить. Наша режиссёрская школа не даёт ключей к пониманию «текстов», как называет свои произведения тот же Вырыпаев. Видимо, должно пройти какое-то время, чтобы мы привыкли к этому явлению и поняли, как нам с ним обращаться.

— К нам приезжают спектакли таких известных режиссёров, как Рыбкин, Песегов...

— Естественно, надо посмотреть и их работы. Особого пиетета в театре я не перед кем не испытываю, мне интересны как молодая режиссура, так и спектакли мэтров. И в постановках молодых уже нередко проблескивают искорки таланта.

— Так с чем же связаны ваши фестивальные ожидания?

— С предвкушением положительных эмоций. Общение — самая важная составляющая любого фестиваля. Но театрам также очень полезно не просто посмотреть друг на друга, а увидеть работу своих коллег. Не секрет, что режиссёрам мало какой спектакль может просто нравиться — мы же сразу начинаем делить его на составляющие части. А если уж совсем начистоту, то нам, режиссёрам, редко удается сходить и посмотреть, что происходит в соседнем театре. И этот фестиваль — прекрасный повод наверстать упущенное.

— Вы уже участвовали в ряде общероссийских фестивалей. Чем на ваш взгляд будет отличаться от них первый «Ново-Сибирский транзит»?

— Для «Первого театра», конечно же, главное отличие в том, что мы находимся у себя дома. Выезд — это всегда какие-то сложности. Единственный плюс — когда ты при-

езжаешь куда-нибудь сыграть спектакль, то других дел у тебя нет. А вот когда принимаешь гостей у себя, то к домашним заботам прибавляются и фестивальные хлопоты. Так что в этом смысле нам будет потруднее. Не уйдешь же в отпуск на эти десять дней!

— Павел Южаков — ответственный за вечернюю программу фестиваля. Расскажите поподробнее, что увидят гости и участники «Транзита» после спектаклей.

— Есть такое актёрское объединение — стёб-арт-студия «Ха! Мы!». Одна из её составных частей — артисты «Первого театра». Вот уже четыре года мы работаем в этом весёлом жанре — занимаемся, так сказать, «капустнической деятельностью». Капустники — на мой взгляд, свидетельство того, что театр вбирает в себя людей молодых, энергичных и инициативных. За это время накопилось огромное количество материала, которое нам не стыдно показать своим коллегам из других городов. Мы будем выступать каждый день. На открытие и закрытие готовятся двадцатиминутные показы, а в остальные дни у нас будут выступления покорооче — ведь каждому театру тоже хочется показать себя во всей красе не только в конкурсной программе, но еще и в весёлом жанре. Началом нашего капустника будет этакая пародия на фильм Михалкова «12»: мы придумали, что будем решать судьбу Театра, жить ему или нет. И про каждый театр на «Транзите» будут написаны скетчи. Не считая, естественно, обыгрывания каких-то собственных фестивальных моментов. Юмор всегда сближает, а уж тем более на фестивалях. Получается, что капустники — это такой эпиграф к разговорам и об увиденном спектакле, и о будущем театра.

— Обсуждать спектакли будет и жюри фестиваля...

— Да, я знаю, приедет целая плеяда известных критиков. К неприятным разговорам нужно привыкнуть. Когда высказывают критические замечания, сначала всегда обижаться. Но ведь критика и не может быть положительной! Тебе говорят о каких-то твоих недостатках, недочетах, изъянах. К этому сложно относиться без каких-то больших амбиций. А ведь у любого творческого человека их всегда с избытком. Но я понимаю, что со стороны многое видится по-другому. И даже если кому-то скажут, что вообще «ничего не случилось», я уверен, эта ремарка только даст толчок для развития. И будем надеяться, разговор пойдет не только о спектакле, но и о пути развития нашего молодого театра, спектакль которого идёт в спецпрограмме «Премьера к фестивалю».

— У вас есть предположения, какие спектакли будут отмечены призами «Транзита»?

— Конечно же, если бы нас включили в основную программу, то наше «Доходное место» заняло бы первое место! А если серьёзно, я очень рад, что нам с Олегом Юмовым, поставившим в «Глобусе» «Возвращение», удалось вскопичить в «последний вагон» «Ново-Сибирского транзита», ведь мы показываем действительно премьеры!

Вообще, к какой-то бы ни было конкурсной программе я отношусь лояльно. Мнение, кто лучший — всегда субъективное мнение. Главное, что нас посмотрят зрители и столичные критики. Я уже прошел тот этап, когда сильно переживаешь, назовут ли твой спектакль в числе лучших.

— Вернемся к театральному юмору. Есть мнение, что настоящий артист озабочен исключительно своими ролями. А всякие там капустники — только трата сил!

— Ерунда все это. Низким занятием капустники называет тот, кто не умеет их делать. Капустник можно сделать таким едким, таким точным... Через юмор можно воздействовать сильнее, чем через страх!

Юрий Татаренко

АТАКА НА ТЕАТР ЧИНОВНИКА

Александр Островский «Доходное место», режиссёр Павел Южаков (Новосибирский «Первый театр»).

Говорят, что Островский — бытовой автор, что ко всем своим персонажам он одинаково добр и расположен. Всех понимает, никого не осуждает, потому что его герои — это мы сами, это наш русский мир, что же нас осуждать? Говорят про эпический покой Островского... Так вот в спектакле П. Южакова этот эпический покой взорван и вздыблен. Его «Доходное место» получилось ярко-игровым, гротескным, острым. В нём нет вялости, а есть яркость, азарт, непредсказуемость игры, и привычный текст звучит свежо и по-новому.

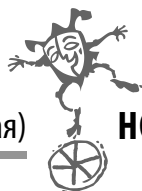
Пьеса опрокинута в современный социум. Повадки, пристройки, манеры, моды, представления о жизни — всё это наше. Кроме того, женщины, которые всегда в этой пьесе воспринимались отдельно от мужского мира взяточников, построены «Первым театром» в их чиновничье пространство. Они не голубые героини, они — катализаторы энергии взяточничества. И это показалось мне новым и интересным. Хочешь, чтобы жена была любезна, — изволь достать, хочешь бархатного платья — изволь достать, а зачем любить того, кто денег не носит? Если женщина отвергает мужчину, он должен бросить к её ногам подтверждение своего материального благополучия. Это и есть

доказательство любви.

Замечательна игра артистов. Они очень хорошо чувствуют современную жизнь, в их работе много интересных наблюдений, размышлений. Какие язвительные портреты чиновников возникают в игре Артёма Находкина, Петра Владимировича, Павла Полякова! Ими найдена масса деталей в изображении героев. Молодой Поляков играет старого взяточника, который уже исполнил свой долг перед семейством: обеспечил себя и своих потомков намного лет вперёд. И поэтому он снисходительно, иронически, скептически даже смотрит на резвление этих молодых взяточников вокруг себя. Он даже слегка брезгует ими: мальчишки!.. хорошего тону не знают, рвутся напрямки.

«Доходное место» в «Первом театре» стало «коллективным сознательным», проникнутым откровенной ненавистью к неистребимому на Руси пороку.

Действие разворачивается в железнодорожном депо, где рельсы сходятся как тупик истории. И локомотив, стоящий впереди, никуда нас не вывозит. Наоборот, в финале спектакля он давит непокорных, давит чудесного идеалиста-романтика Жадова в ис-

полнении Виталия Гудкова с его весёлой песенкой «От Волги до Енисея».

Спектакль радует и волнует. Мне казалось, что молодые актёры «Первого театра» не очень интересуются политикой, что эти двадцатилетние ребята больше заинтересованы своим личным успехом, продвижением. . . Но вдруг их спектакль прозвучал как высказывание от лица поколения, презирающего такую жизнь. Злое, чёткое, внятное и очень личностное высказывание. Это настоящая атака на театр чиновника, который захватил весь русский мир (живи, как мы, или убирайся вон!). Может быть, этим молодым повезёт, и они или их дети увидят другую жизнь?

Молодец Островский и молодец «Первый театр».

Впечатлением от спектакля поделилась новосибирский критик Валерия Лендова

«У ФЕСТИВАЛЯ БОЛЬШОЕ БУДУЩЕЕ»

Татьяна Людмила, директор Новосибирского театра «Глобус»

— Всего во второй раз «Глобус» участвует в фестивале со спектаклем, который поставил главный режиссёр театра. Насколько принципиально для вас, чья постановка является лицом театра?

— Самое главное, чтобы наш спектакль вызывал интерес. А кто ставил его, «варяг» или новосибирец, совершенно неважно. Что касается конкретно Алексея Крикливого, нельзя не признать, что он является мастером постановки современных авторов. Много лет полные залы собирают и «СИМейные истории», и «Наивно. Супер», на аншлагах идут «Братишки». Алексей умеет почувствовать «нерв» молодежи.

— Театр «Глобус» на «Сибирском транзите» представлен вот уже в пятый раз. Что значит для вашего театра участие в этом фестивале?

— Начну с того, что значит для всех нас «Сибирский транзит», ставший «Новосибирским». В Сибири, не считая Москвы, Петербурга и, может быть, ещё Урала, сосредоточены очень интересные творческие силы. До недавнего времени они были разъединены, между театрами не происходило творческого обмена. Да, мы были знакомы между собой, все знали, что в Омске есть интересные театры, в Красноярске ставят хорошие режиссёры, ну и, пожалуй, на этом все. Но время диктует новые правила жизни, новые формы сотрудничества. Думаю, что с привлечением в провинцию талантливых режиссёров и создается ситуация оздоровления как театральной среды, так и культурного пространства Сибири в целом. Интересные профессионалы сейчас приезжают ставить спектакли в Прокопьевск, Барнаул, Томск. . . Значит, есть некая база для этого. Я считаю, у «Новосибирского транзита» большое будущее. Этот фестиваль — одна из ступенек эффективного развития сибирских театров. Теперь о значимости «Транзита» для нашего театра. В последнее время мы стараемся избирательно подходить к приглашениям выступить на каком-либо театральном фестивале. Есть различные финансовые и экономические нюансы. Но вместе с тем у нас есть и определенные амбиции, и нам важно заявить о себе в нашем регионе. И не просто заявить, а лучшими спектаклями на данный момент. К приме-

ру, постановка Олега Юмова «Возвращение» — это, можно сказать, изюминка нынешнего театрального сезона. Не каждый молодой режиссёр, во-первых, рискнет взяться за Платонова, а во-вторых, сможет так здорово раскрыть военную тему, вернее даже, тему адаптации человека к «не войне».

— Татьяна Николаевна, как директор «Глобуса» вы были на каждом из восьми «Транзитов»?

— Лично я не ездила только в Улан-удэ. А театр не прошел отбора только в Томске. «Кроткую» мы возили в Иркутск, «Маркизу де Сад» в Омск, «Белую овцу» в Красноярск, «Русское варенье» в Барнаул. Там на меня произвела огромное впечатление «Чайка» Олега Рыбкина. Следствием этого стало приглашение этого спектакля на недавний Рождественский фестиваль. Ну и, конечно, запомнился «Максар. Степь в крови» другого Олега — Юмова.

— А следствием этого стало приглашение Юмова в «Глобус» на постановку?

— Совершенно верно. Спектакль Бурятского театра драмы показался мне чрезвычайно любопытным, в первую очередь поразила его внутренняя энергетика. И мы познакомились с Олегом. Я сказала, что скоро обязательно его найду и приглашу посотрудничать. Хотя были и такие мысли: а сработаются ли молодой приезжий режиссёр и наши актёры, прошедшие через Фокина, Чернякова, Галибина, Песегова?.. Все опасения оказались напрасны, Олег владеет режиссёрской профессией.

— Рассчитываете ли вы на призы «Ново-Сибирского транзита»?

— Это сложный вопрос. Что бы кто ни говорил, а получать призы очень приятно. Как правило, на самых разных конкурсах и фестивалях мы не обделены вниманием критики. И «Старосветская любовь» уже имеет ряд наград. . . В любом случае, я уверена, руководитель фестиваля Александр Кулябин сумеет создать атмосферу высокого театрального братства.

— Актёрское братство действительно существует, и каждый фестиваль тому примером. А что такое «Транзит» для директоров театров?

— Директорам настолько не хватало общения между собой, что два с половиной года назад было решено создать Ассоциацию руководителей драматических театров Сибирского Федерального округа. Сейчас в неё входят представители 27 из 44 театров, и я являюсь председателем Ассоциации.

— Если обратиться к «Глобусу» по имени-отчеству, это выглядит так: Новосибирский академический молодёжный театр «Глобус». А какое из этих слов самое главное?

— Я думаю, молодёжный. Исходя из этого мы и строим свой репертуар. К нам идут дети начиная с трёх лет: сначала на «Зайку-Зазнайку», потом на «Незнайку» и «Трёх поросят», потом на «Малыша и Карлсона», потом на «НЭП» и «Вестсайдскую историю». И когда наш зритель подрастает, очень важно сохранить его уже для наших взрослых спектаклей.

— Татьяна Николаевна, вам удалось посмотреть какие-то спектакли, представленные на этом «Транзите»? Или, может быть, вы про какие-то из них уже слышали?

— Нет, но я с нетерпением жду «Тёмные аллеи», «Прощание славянки», «Месяц в деревне». Очень хочется сравнить два спектакля «Экспонаты». Вообще, вся программа фестиваля очень интересная!

СВЕТЛАЯ РЕЖИССУРА

Николай Коляда «Старосветская любовь», режиссёр Алексей Крикливый (Новосибирский театр «Глобус»)

Из пьесы, где герои бесконечно «кушанькают» перебирают домашние заготовки лекарственных трав и говорят цитатами из сборника примет, режиссёру Алексею Крикливому удалось, тем не менее, создать талантливый спектакль.

Постановка «Старосветской любви» в «Глобусе» не бьёт трагедийной кувалдой, не пытается вышибить слезу, а оставляет после себя щемящее, нежное и глубокое чувство.

1 апреля исполнилось 200 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. И, как часто бывает в таких случаях, к дате приурочено немало событий. Передачи, выставки, спектакли... Постановка «Старосветской любви» в новосибирском театре «Глобус» выходит за пределы чисто формальной отдачи чести «великому писателю и драматургу». Гоголь в постановке так же незначителен, как нарочито случаен его портрет в пьесе. Только если у Коляды Гоголь в какой-то момент выходит из портрета и пытается почувствовать в повествовании в роли Гостя, то Гость у Крикливого, появившись на сцене, не сильно-то старается подражать Гоголю. Он оберегает покой старосветской четы, как и все эти бесконечные пучки солодки, крапивы и можжевельника. Автор «Старосветских помещиков», известный мистификатор и шутник, разлит по бытовым деталям: совершенно умилительно и по-гоголевски в спектакле выглядит, например, сосисочная гипербола, которой вдобавок к кисельку, молочку и ещё 150 блюдам Пульхерия Ивановна пытается признаться в любви Афанасию Ивановичу...

Невообразимое обилие пищи, символизирующее заботу друг о друге этих двух старичков будто бы уравнивается скудостью диалогов. Кушанькать. Плямкотеть. Ноженьки. Баиньки. Радуга вечером — назавтра будет погода хорошая, утром — дождливая. Звезды блестящие — к жаре, сильно мерцают — к грозе в полдень. В этом уютном мире констант вселенским вызовом звучит даже новость о том, что редиска пошла в стрелку.

А уж фантазия Афанасия Ивановича, сидящего в инвалидном кресле, о том, не пойти ли ему на войну, — и подавно. Но даже смерть части этого «целого» лишь на мгновение нарушит заведённый порядок. А затем герои встретятся в мире потустороннем, но ничем

не отличимом от этого, чтобы продолжить с жаром выяснять, то ли платье было на покойнице, как она завещала.

«Старосветская любовь» Коляды — о двух половинах, которые живут в постоянном страхе близкой потери друг друга. «Старосветская любовь» Крикливого — выше трагедии: она о цикличности бытия, об установленном порядке вещей, который передаётся от поколения к поколению. В этом наследстве среди засушенных трав и выученных наизусть примет нетрудно отыскать любовь.

Ирина Тимофеева, «Ведомости»

У МЕНЯ ЕСТЬ СЕРДЦЕ

Андрей Платонов «Возвращение», режиссёр Олег Юмов (Новосибирский театр «Глобус»)

Главный герой спектакля-притчи «Возвращение» капитан Алексей Иванов, сияя фирменной улыбкой Павла Харина, едет с войны домой, к жене и детям. На перроне, среди шумно провожающих его однополчан, он свой. Дома, среди родных, которые сами не верят, что дождались, он чужой. Защитник Родины научился бить фашистов, но разучился существовать в другом измерении. Что дальше делать с этой жизнью, которая выкарабкалась-таки из войны, не знает никто.

Война проникает в спектакль не взрывами и даже не рассказами о сражениях, а упорным отчуждением пятилетней Насти, умеющей сосредоточенно чистить картошку и штопать варежки. Взвинченной деловитостью подростка Петьки, который готов уступить отцу

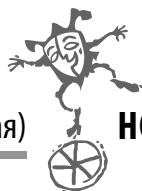
права хозяина, да не знает, как. Растерянно-кроткой улыбкой жены, её виноватой и как бы оправдывающейся интонацией, её попыткой исповеди в непонимании того, что лучше было бы не травить мужа правдой о случившихся «семенах-евсеичах».

В «Глобусе» нашли удивительно точный эквивалент платоновской прозе. Режиссёр Олег Юмов сделал бережную инсценировку рассказа, усилив его притчевое начало. Он обошелся минимумом слов, сделав сильным выразительным средством молчание. Это молчание — из редкого класса психологических нюансов, затрагивающих самый тонкий актёрский нерв, который способен вибрировать лишь при подлинном слиянии с материалом. Можно целые поэмы посвятить тому, как женская душа застывает в тоске по любимому мужчине, но Ольге Цинк они не нужны. Её Люба Иванова, с угловатой фигуркой, с улыбкой кроткой, неуверенной, привыкла экономить слова, как и силы.

Железная дорога перечеркивает пространство малой сцены. Домашний стол установлен на рельсы, будто отец семейства готов сорваться с места, мечась в поисках себя. Он и сорвётся, подхватив облепченный от военных гостинцев вещмешок. Там — проще, там — понятнее. Как просто было Иванову со случайной попутчицей Машей! Как легко он соскакивал вслед за ней с поезда, с каким упоением носились они друг за другом, дурачась и хохоча. И как неловко он чувствует себя с родным существом. Молча, медленно, сосредоточенно, по обе стороны от кровати, муж и жена снимают с себя одежду, берутся за уголок одеяла. Каждый мечтал об этой ночи все четыре военных года, а теперь не знает, как поступить с этой ночью, с самим собою и с другим человеком.

Плотское начало, на котором построена проза Платонова, в спектакле воплощено на редкость деликатно. Телесное — всего лишь неотъемлемая часть повседневной жизни, которая теперь перестраивается с одиночества на супружество, как приёмник с военных сводок на прекрасно-сентиментальную песню «Тайна» в исполнении Леонида Утёсова. Мысли Платонова о душе звучат в спектакле как пронзительное откровение. «Прежде он чувствовал жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся её обнажившимся сердцем» — вот о чём получился спектакль театра «Глобус». «У меня есть сердце» — напоминает старая патефонная пластинка. К собственному сердцу и предстоит вернуться человеку, и тогда рельсы закончатся для него не тупиком, а песчаной тропинкой, на которую он ступит навстречу своим детям.

Яна Колесникова, «СибирьИнфо.Ру»

«НЕЛЬЗЯ ВАРИТЬСЯ В СОБСТВЕННОМ СОКУ»

Актёр Сергей Дроздов, Билли в спектакле «Калека с острова Инишмаан»
(Новосибирский театр «Старый дом»)

— Как вы стали актёром?

— Я с 16 лет работаю в театре, начал в 10-м классе. До этого спортом занимался, лёгкой атлетикой, и параллельно — в театральной студии. Вообще-то я там оказался случайно. Знакомая девочка во дворе очень долго упрасивала меня «просто зайти». И так случилось, что именно в тот день заболел один мальчик, и нужно было выйти в спектакле вместо него, сказать буквально одну фразу. А я как вышел на сцену, так и играю до сих пор.

— Как вы относитесь к современной драматургии?

— Вообще-то у меня с «новой драмой» сложные отношения. Я не против мата на сцене, но думаю, что без него можно и обойтись.

— Ко Дню Победы вы поставили в «Старом доме» спектакль «Рядовые» Дударева.

— В этой пьесе мощная тема веры. Я не могу в данном случае принять позицию одного из персонажей Соляника: мол, лучше пойти под трибунал, чем стрелять. Оправдать могу, принять не могу. Но Соляник говорит абсолютные истины: не убей, не укради никого никогда. И в ответ ему тоже говорят абсолютные истины. Мне очень интересна ситуация, когда сталкиваются две правды. К чему это приведёт — никогда не известно.

— Зачем вам нужен опыт режиссуры?

— Так это разные явления: актёрство и режиссура. В режиссуре проще выявить своё мировоззрение. В актёрской работе есть рамки, дальше которых ты уйти не можешь. В режиссёрской профессии ты можешь быть свободнее. Актёр дальше своего персонажа уйти не может. Режиссёр просто своей волей может изменить и ход пьесы, и героев. Это его режиссёрское решение.

— Много ли новосибирских спектаклей вы посмотрели после переезда из Перми?

— У меня единственный выходной — понедельник, так ведь он у всех выходной! Вот очень хочу сходить на «Тома Сойера» Анны Зиновьевой в «Лобус», но... Считаю себя безумно несчастным, актёрам надо много смотреть, нельзя вариться в собственном соку. Если такой период затягивается, начинаешь потихоньку загибаться.

— «Калека с острова Инишмаан» — участник «Ново-Сибирского транзита», волнуетесь?

— Ну, что ж, впереди очередная сдача экзамена. Волнения будет немного больше обычного, очень хочется выглядеть на «Транзите» достойно. И, конечно же, я очень рад, что наш спектакль увидят на фестивале.

— А что вы планируете посмотреть?

— В обязательном порядке — «Трамвай "Желание"», а всё остальное — если только у меня не будет спектакля. Стоп! Ещё мне очень интересно, что покажет Изуми Ашизава («Сумасшедший концерт кошки-оборотня»). Зарубежные участники любого фестиваля — это всегда что-то потрясающее. Ну, и, конечно, капустники. Свои номера мы уже репетируем. Кроме того, из Омска и Минусинска должны же приехать мои однокурсники!

— В чем главная трудность работы в спектакле «Калека...»?

— Устаю ужасно. Тяжелый очень спектакль. Всё растягивается, всё болит — мышцы, связки, кости. Закрепил тело перед спектаклем и не имеешь права расслабиться. Я могу похудеть на пару килограммов за спектакль. Болит обычно и на следующий день с утра. Но чем чаще играешь, тем легче: мышцы приспособляются. Что касается внутренней логики... Федотов говорил: у Макдонаха нужно всегда искать парадокс. Потому что его персонажи могут безумно любить человека и через секунду стрелять в него, как в «Сиротливом Западе». Они так любят, так ненавидят. У них всё быстро меняется. Но при этом мышление у них очень медленное и подробное. Особенно у островитян. Потому что у них ритм очень размеренный, им торопиться некуда.

Интересно, что перед тем как играть «Калеку», за день, за два — я обязательно встречаю инвалида, прохожего с каким-то отклонением. Я их начал видеть. А раньше почти не замечал. И это перед каждым нашим спектаклем! Вначале мне это казалось каким-то совпадением.

— Вы живой, подвижный, весёлый парень. А Билли, если говорить современными словами, человек с ограниченными возможностями...

— Я играл эту роль еще в пермском театре «У моста», потом был срочный ввод в новосибирский спектакль. После него меня пригласили в труппу «Старого дома». Так вот, в Перми, когда мы начинали репетировать, актёры ходили в психиатрическую больницу. У людей с психологическими отклонениями совершенно другое поведение: психика влияет на физику. Ещё мы в центре реабилитации наблюдали за пациентами с диагнозом ДЦП. Было страшно, больно.

— Новосибирск представлен тремя спектаклями в конкурсе, а ещё две постановки будут показаны в программе «Премьера к фестивалю». Мы что-нибудь выиграем?

— Ой, я вообще не задаюсь подобными вопросами! Наше дело — хорошо сыграть. Тем более, что мы выступаем на своей площадке. Не зря говорится: дома и стены помогают...

Юлия Бармаева, Юрий Татаренко

СЕРДЦА НЕТ — СЧИТАЙ, КАЛЕКА!

Мартин МакДонах «Калека с острова Инишмаан», режиссёр Сергей Федотов
(Новосибирский театр «Старый дом»)

Жить в мире, жестоким в своей расчётливости, и руководствоваться при этом одними только эмоциями значит жить недолго. Прагматизм побеждает всех соперников, начиная с Доброты и заканчивая Иронией. Но можно ли с этим смириться?

Спектакль «Калека с острова Инишмаан» отстаивает позиции людей милосердных и выглядит при этом и дерзко, и трогательно. Эти парадоксы продиктованы драматургией ирландца МакДонаха и режиссурой поставившего «Калеку» на ноги Сергея Федотова, художественного руководителя пермского театра «У моста».

В его спектакле тоска по идеалу — движущая сила для Калеки Билли, решившегося переменить своё отношение к миру, сменив страну проживания. Тоска по идеалу — вот что роднит русского человека, угнетённого необъятностью своей родины, с ирландцем, прозябающим на заброшенном острове. Впрочем, брошенными на произвол судьбы герои этой истории не выглядят. Да, цивилизация обошла остров Инишмаан, но, ока-

зывается, для поддержания цивилизованных человеческих отношений необходима лишь привычка обходиться тем, что есть. После спектакля становится понятно: то, что есть в нас — уже немало.

«Калека...» строится на актёрской убедительности и заразительности. Подлинность существования персонажей подкупает зрителя с первых же минут спектакля, когда на сцене появляются тётушки Билли. Вера Сергеева и Татьяна Шуликова задают нам ту странную логику немногочисленных обитателей острова, размеренно живущих в предсказуемости каждого дня.

Роль оторвы Хелен сочно и точно играет Анастасия Панина. Её героиня не столь ершиста, сколько бесхитростна, именно своей непосредственностью эта девочка вызывает расположение Билли. Их финальная проходка — одна из самых эмоциональных сцен спектакля.

Великовозрастный пронира Джонни Патинмайк, автор и разносчик местных новостей в исполнении Александра Сидорова проявляет себя человеком не суеты. Перед нами натура противоречивая, но все же сумевшая подчинить жизнь окружающих основному смыслу человеческого существования — стремлению не выпасть из исторического процесса. В понимании Пустозвона жители Инишмаана не нуждаются в общественной значимости событий, поскольку являются звеном в цепи не социальных, а природных явлений.

Как признался Сергей Дроздов, сложнее играть ущербность души, нежели физические недуги. Но образ Билли решён таким образом, что внутренние страдания юноши, выросшего без родителей, постепенно переплавляются в чувство незащищённости, не позволяя проявиться в полной мере отчаянию и сарказму.

Билли уезжает в далёкую, призрачную, какую-то инопланетную Америку. Где, как очень быстро выясняется, каждый сам за себя. Ну, а калека — не более чем экзотика. У нас, воспитанных не в каменных джунглях «буржуинства», своё отношение к западным меркам успешности. Поэтому в зрителя попадает ещё одна переключка МакДонаха с русской ментальностью: не нужен нам сон Голливудский, пора, красавица, проснись!

Спектакль «Старого дома» — о том, что живущий среди нас Калека отнюдь не «бедняжка», а напоминание всем и каждому о человеческом несовершенстве. А продолжающим придерживаться рационального подхода к жизни хочется напомнить слова из «Маленького принца» Экзюпери: зорко одно лишь сердце, главного глазами не увидишь. По-другому об этом сказал поэт: умом Россию не понять. А мы временами пытаемся. Именно поэтому порой и приходится переиначивать русские поговорки.

Юрий Татаренко

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

ВИКТОРИЯ ЛЕВЧЕНКО,

театр «Красный факел» (лауреат первого, новосибирского, «Транзита»):

— Я почти «транзитный» ветеран — не работала в спектаклях только на последних двух фестивалях. Но самым-самым в памяти, конечно, остается Первый — в 2001-м... Потому что первый. Потому что в нашем театре. Мы ещё не знали, что же это будет, но было ясно, что что-то значительное, и мы — хозяйева. Много критиков, новых лиц, коллег, с которыми до того практически не были знакомы — разве только из Омской драмы, с которой дружим давно.

Общение не прерывалось ни на минуту — мы не столько спектакли друг друга смотрели, сколько наговориться не могли: о жизни,

о театре, о режиссуре — «а как у вас?» И то, что мне тогда дали главный приз за Ирину в «Трёх сестрах», очень дорогое для меня спектакле, было счастьем. Даже хорошие отзывы на «Золотой Маске», где мы играли незадолго перед этим, не значили для меня так много. Может быть ещё и потому, что я поделила эту премию с Натальей Василиади из Омска! Когда я смотрела на нее в «Приглашении на казнь» по В. Набокову под занавес первого фестиваля, сидела и просто глазам не могла поверить: «Боже мой! Какая Актриса!», а у неё там совсем маленький кусочек был... И то, что нам поделили этот приз, я чувствовала как приз вдвойне.

А сейчас я встречаю именно Омский театр — впервые в роли куратора, такого фестивального вожагого. Творчески на сцене не участвую, но буду вместе с командой нести фестиваль на своих плечах... И жду интересного общения!

АЛЕКСАНДР ЗЫКОВ,

главный режиссёр театра «Красный факел» (лауреат томского и омского «Транзитов» за спектакли Норильского Заполярного театра драмы):

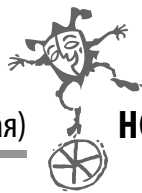

ны — так же, как зрительские аплодисменты.

По существу, именно «Транзит» способствовал широкому признанию Норильского театра. Это признание не прогнозировали даже сами эксперты. В первый раз председатель Экспертного совета Марина Дмитриевская почти сделала нам одолжение, привезла «Школу с театральным уклоном» в Омск... И когда спектакль очень хорошо приняли, уже в антракте она выходила со словами: «Ну, я говорила, что вас НУЖНО везти!» Даже мнение экспертов иногда формируется уже после. Всё в нашем деле непредсказуемо.

А на следующем фестивале нас уже ждали, встречали, говорили: «Ну, ждём-ждём от вас!». Это обязывало, и было немножко страшнее. И там был спектакль Игоря Григурко (театр «Человек»), который мне очень, очень понравился. Так, что мне даже было неудобно, когда мой спектакль признали лучшим, и я, не будучи отважным человеком, набрался смелости, подошел к нему познакомиться и стал извиняться, что так получилось — наш спектакль назвали лучшим, но ваш мне нравится больше. А он меня успокоил, что ему как раз наш понравился... Вот это и есть незабываемые моменты фестиваля.

ЛАВРЕНТИЙ СОРОКИН,

театр «Красный факел» (лауреат омского, томского и красноярского «Транзитов» в спектаклях Норильского театра им. В. В. Маяковского):

— У меня с «Транзитом» все только хорошее связано. Я впервые попал на фестиваль в 2003 году, в Омске — тогда наш спектакль из Норильска «Школа с театральным уклоном» очень отметили и дали нам с Сергеем Ребрием по награде за лучшую мужскую роль. Потом я попал на следующий фестиваль — в Томск. И там опять что-то нам дали, за «Татарина маленького». Начал привыкать. Потом, на следующем «Сибирском транзите» в Красноярске, мы уже работали с Сергеем Ребрием и Александром Марковичем Зыковым над творческим оформ-

лением фестиваля. И когда недели за три до начала придумывали капустник на церемонию закрытия, я говорю: «А как же я тут выйду премию за лучшую мужскую роль получить? Я же в женском платье!» И Зыков говорит: «Ты ерунду-то не говори! Какая там лучшая роль?» И вот стою я в платье какой-то уборщицы, а там объявляют: «За роль Сирано де Бержерака — Лаврентий Сорokin». Ну так — как идиот — и пошёл в результате!

А вообще, мне очень нравится этот праздник. Я считаю, что его должно быть как можно больше: другой такой возможности увидеться с близкими друзьями, коллегами из других театров, у нас не бывает. Здорово вариться где-то не в своем театре, большой компанией. И ещё это повод показать всем, кто ты есть в своей профессии, для чего в неё пришёл.

Очень жду приезда Омской драмы, люблю её, там Михаил Окунев, Владимир Майзингер, с которыми дружу. Конечно, своих — тоже бывших норильчан, а теперь красноярцев — Люсю Каевичер, Василия Решетникова повидею наконец! Красноярск вообще как дом родной — работая в Норильске, все время ездили туда на гастроли. Там все — друзья, спектакль Рыбкина мне интересен. И никогда не видел «Коляда-театр!» Обязательно хочу посмотреть.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВ,

ГДТ под руководством С. Афанасьева (лауреат томского «Транзита»):

— Мы показывали в Томске «Пять вечеров». На церемонию закрытия не оставались, уехали раньше. И о том, что мне присудили приз за лучшую мужскую роль, я узнал уже дома. Помню, что было очень приятно (а потом я, кстати, за роль Ильина ещё и в Новосибирске «Парадиз» получил). Принимали нас хорошо, я бы даже сказал, очень хорошо. Лично мне совершенно неважно, где играть — на новой площадке, в родных стенах... Это вот режиссёры сетуют на разные вынужденные изменения в выездных спектаклях. А вообще-то фестиваль — это всегда весёлая атмосфера, какие-то посиделки. Эта насыщенность общением мне очень нравится.

Я помню, на томском «Транзите» сидели мы с Лаврентием Сорокиным в уличном кафе. И я вдруг вспоминаю, что нам через два часа капустник показывать! И тут Лаврентий начинает комментировать фестиваль от лица Ильина, нашего володинского героя из «Пяти вечеров». Мы смеялись на все кафе, потом быстренько досочинили мне небольшой монолог, и вечером в актёрском клубе нас принимали на ура!

Всем нынешним участникам я желаю, во-первых, успешно выступить, а во-вторых, не забывайте лауреатов прошлых лет, приглашайте нас на спектакли и банкеты! Если серьёзно, то я желаю, чтобы как можно больше людей занимались театром — этим благородным и благодарным делом. Когда ты делаешь то, к чему лежит душа, то есть занимаешься настоящим творчеством, без примеси коммерции — ты не стареешь. Проверено!

Парк-отель «МанжерОК»

70 м

Гостиница
Ресторан
Сауна
Бильярд
Бассейн

Незабываемый отдых круглый год на Горном Алтае в живописном месте на берегу Катунь

Дирекция:
г. Новосибирск
тел.: 8-913-985-01-07,
8-913-947-30-73

Горный Алтай
тел.: 8-913-693-8600,
8(38844)28-5-26

www.manzherok-hotel.ru, manzherok-hotel@mail.ru

Фестиваль «Ново-Сибирский транзит» благодарит

